

О. Строганов

Через два океана

Производство студии „Диафильм“, 1959 г.

Диафильм в 2 частях

Часть 2

Фото автора

Редактор Л. ГУРЕВИЧ

Художник-оформитель Ю. ЗЕЛЕНКОВ

В первой части этого диафильма было рассказано о том, как после 38-дневного плавания на дизель-электроходах „Лена“ и „Обь“ участники Советской антарктической экспедиции достигли берегов шестого континента. Тринадцать суровых и трудных месяцев длилась наша зимовка в краю ураганов, морозов и льдов. Теперь предстояло большое научное плавание на дизель-электроходе „Обь“ вдоль берегов Антарктиды и затем, через два океана, — на Родину.

Весна непривычно пришла к нам с севера, пришла от родных берегов. Вместе с нею в Мирный вернулась „Обь“.

Но прошёл ещё месяц, прежде чем мы вышли в научный рейс вдоль берегов Антарктиды на запад. В свободной ото льда южной части Индийского океана встретили „Лену“, которая шла к Мирному с новой сменой зимовщиков.

А „Обь“ продолжала поход на запад. Только тюлени Уэд-делла и ледяные поля, только голые мрачные скалы — вот всё, что мы встречали у берегов Антарктиды на протяжении трёх тысяч миль.

Наконец мы пошли на север, курсом на Южную Африку, чтобы пополнить запасы в Кейптауне. Но капитан „Оби“ И. Ман получил неожиданно радиogramму.

РАДИОГРАММА

ПРИЕМ: 25 2 57 400 мск КОРНИЛЕНКО

ПЕРЕДАЧА:

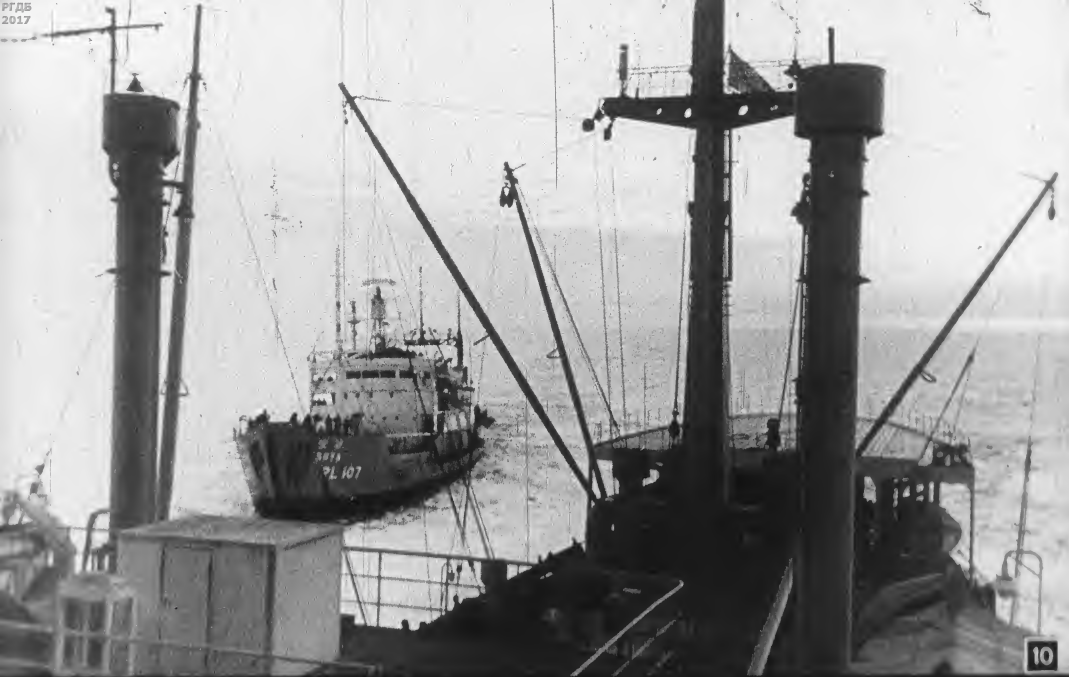
вокруг торосистый лёд тчк льдины вплотную прижало
к винтам тчк нуждаемся вашей помощи

мацумото — капитан сойи

Радиограмма была с японского ледокола „Соя“, на котором, как и у нас на „Оби“, велись научные работы по программе Международного геофизического года.

Наш корабль поспешил на помощь. На четвёртые сутки утром, когда „Обь“ вкололась во льды, мы увидели на горизонте в морозной туманной дымке контур японского судна.

„Обь“ пробила во льду канал длиною в несколько миль и провела ледокол японцев за кромку тяжёлых льдов, а затем двинулась к Южной Африке.

Мне посчастливилось нести вахту у штурвала и вести наш корабль по 20-му меридиану — условной границе двух океанов, Атлантического и Индийского.

RT 15
2017

12

Через несколько дней на рассвете „Обь“ обогнула мыс
Доброй Надежды и вошла в Столовую бухту Кейптауна.

В Нейптауне ошвартовалась и „Соя“. Японцы горячо благодарили нас за бескорыстную помощь.

Все газеты писали о благородстве советских полярников и моряков. И даже кондуктор троллейбуса, на котором мы ехали в город из порта, был особенно с нами любезен.

Первое, что поразило нас в Кейптауне, — это слоны, шедшие запросто вдоль тротуара.

Прямая и людная Адерли-стрит, улица банков и магазинов, ведёт через весь Нейптаун к Национальному парку.

В самом конце широкой аллеи за кронами вечнозелёных деревьев виднелся подъём на Столовую гору, вершина которой действительно плоская, словно обеденный стол.

На другой день мы совершили поездку к мысу Доброй Надежды. Шофёр автобуса, он же и гид, по-английски рассказывал нам о деревнях и городах, а геолог А. Живаго переводил на русский.

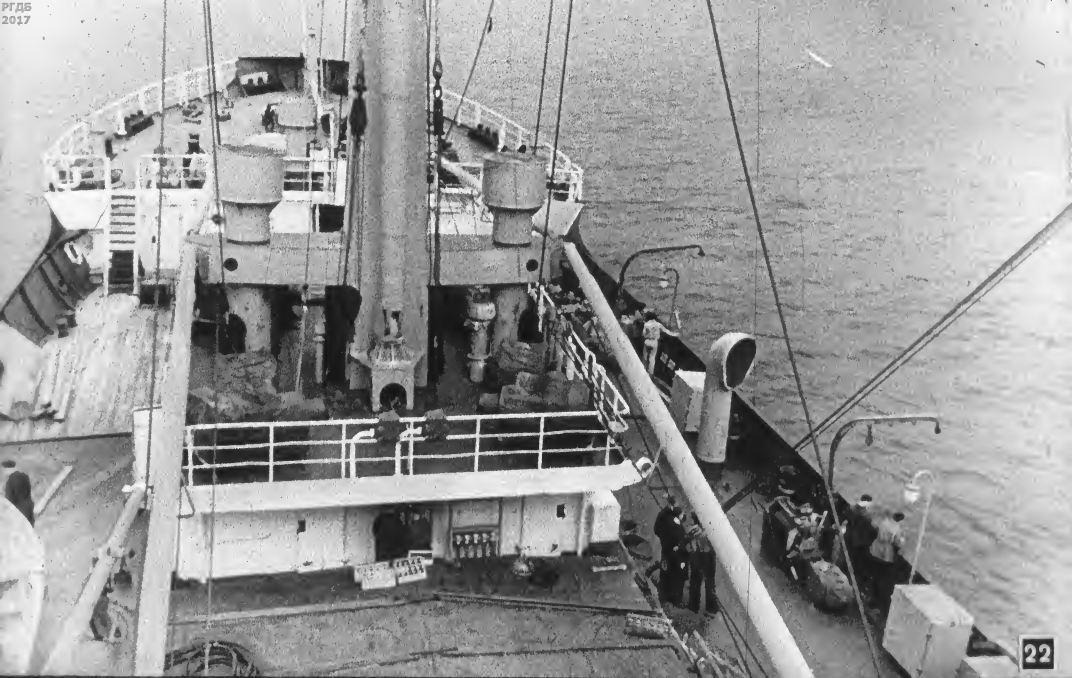
Движение здесь на дорогах левое. И нам постоянно казалось, что автобус идёт неправильно и мы непременно столкнёмся с какой-нибудь встречной машиной.

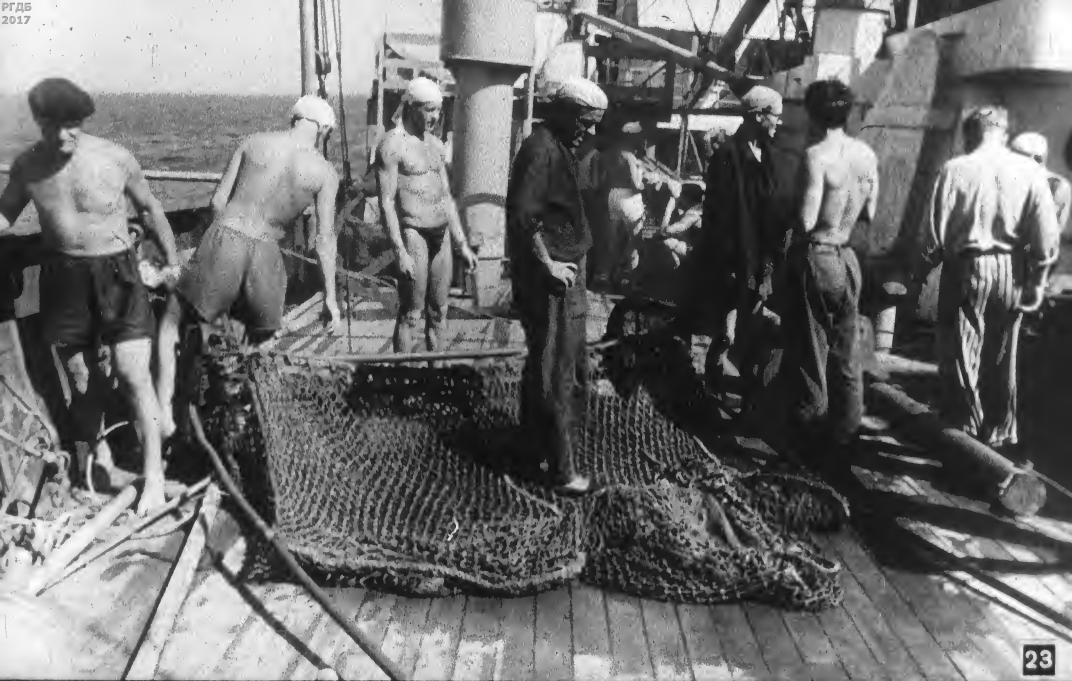
За стеклом промелькнула бензоколонна в виде огромной пятнистой собаки, и дорога пошла долиной между уступами гор.

Мыс Доброй Надежды — крайняя южная точка Африки. Считают, что здесь встречаются Индийский и Атлантический океаны. Но внешне на мысе, кроме старинного форта, ничего интересного нет.

Но вот мы опять на нашей земле, верней, на её кусочке — просторной палубе судна. Снова идём через весь океан в Антарктиду. По пути исследуем толщу вод.

Биологи тралом добывали с огромной глубины неведомых рыб и животных. Несколько раз трал приносил белокровных, почти неизученных, рыб.

Морские геологи с помощью взрывов определяли строение дна океана.

А когда выдавалось свободное время, на корабле начиналась учёба. Электромеханик В. Подколызин, вместе с которым я жил в каюте, тоже садился за книги: он курсант морского училища.

В начале апреля мы снова вкололись во льды. Капитан И. Ман и дублёр капитана Н. Бызов часто поднимались на верхний мостик, стремясь различить за массами айсбергов ставший родным берег Мирного.

Утром 6 апреля на „Обь“ прилетел вертолёт. На секунду повиснув над мачтами судна, он мягко коснулся палубы.

Через десять минут вертолёт доставил нас в Мирный. Он всё такой же, как в январе. Но опять по самые крыши домов его заносят осенние вьюги.

В Мирном мы взяли на борт группу строителей и учёных, приехавших работать только на лето, и снова пошли на север по 98-му меридиану.

Злые осенние штормы сопровождали корабль почти до Южного тропика. 28 апреля показались поросшие пальмами Нокосовые острова.

Прибывший на „Обь“ губернатор Д. Халл, представитель властей Австралии, заявил начальнику экспедиции профессору И. Максиму, что он рад приветствовать советскую научную экспедицию, и пригласил нас сойти на берег.

Сто с лишним лет прошло с тех пор, как английское семейство капитана Ключис-Росса высадилось здесь с малайскими рабами. Наш корабль был первым русским судном, посетившим эти острова.

На островах находится станция телеграфного трансонеанского кабеля, который по дну океана идёт из Австралии в Азию. Инженеры и техники станции встретили нас на веранде бунгало.

К этим коралловым рифам в 1836 г. подошли на "Бигле" Чарлз Дарвин и капитан Фиц Рой. Быть может, эти же пальмы шумели над их головами, быть может, так же, как и мы, они утоляли жажду прохладным кокосовым соком.

Мы искупались в прозрачной лагуне, где сновали быстрые рыбки и, чертя плавниками по волнам, вдалеке резвились акулы.

Мы ловили акул на железный крюк. Страшные хищники моря на палубе были вовсе не опасны.

Три дня промелькнули, словно один. Провожая нас, доктор Х. Прэтт и его жена искренне сказали: „Океаны не разделяют“.

Мы вошли в Бенгальский залив и от устья Ганга повернули к Цейлону. Жара становилась сильнее. Пришлось натянуть над палубой парусиновый тент.

На рассвете 21 мая „Обь“ вошла в широкую гавань столицы Цейлона – Коломбо. Приятно было увидеть здесь родной, советский корабль „Николай Некрасов“.

На „Оби“ состоялась пресс-конференция. Корреспонденты цейлонских газет осмотрели советский корабль, который местная пресса называла „гигантской лабораторией“.

В этот день мы посетили посольство СССР. Из его окон открывался чудесный вид на „флотилию“ катмаранов — лодок, выдолбленных из пальмовых стволов.

Над Цейлоном по несколько раз в сутки лил тропический дождь. Невзирая на это, мы на машинах отправились в глубь страны.

Навстречу нам могучие буйволы везли двухколёсные арбы, и скрип их порой заглушался криками птиц и рёвом зверей из джунглей.

В Коломбо везде говорят по-английски. В глубине же страны — на родном языке. Здесь держатся с большим достоинством, особенно теперь, когда Цейлон обрёл независимость.

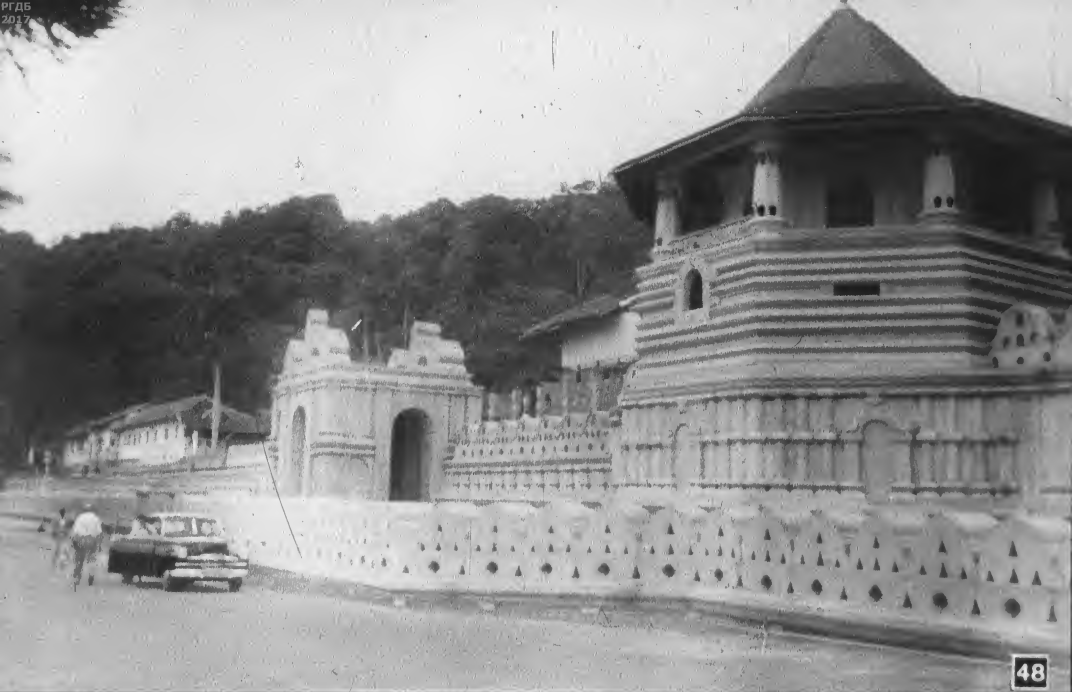
Мы подымались в горы. По их склонам тянулись плантации чая и кофе. У подножья горы Утуман стояла чайная фабрика. Терпкий запах застиг нас ещё на шоссе.

Последний тоннель, пробитый в скале, — и подъём, наконец, окончен. До древней столицы буддизма Нанди осталось совсем немного.

Вот и Нандийский университет. У входа в библиотеку нам встретились два студента — представители национальной интеллигенции.

Мы осмотрели Кандийский храм. По словам буддийских монахов, здесь хранится зуб Будды.

Прошло десять дней... Аравийское море и Баб-эль-Мандебский пролив – позади. „Обь“ вышла в Красное море и бросила якорь в Суэцкой бухте. Египтяне причалили к нам на фелюгах.

Из Каира к нам на судно прибыли заместитель министра доктор Х. Фавзи и большая группа учёных Египта.

По широкой ленте шоссе в Восточно-Ливийской пустыне мы примчались утром в Каир. Перед нами, утопая в сочной июньской зелени, простирались кварталы столицы Египта.

Возле Каирского университета сооружался огромный памятник — монумент возрождения Египта.

Отсюда мы поехали в древнюю Гизу — к пирамидам Хеопса, Хефрена и Микерина. На машине подъехать к ним нельзя: запрещает обычай. Мы пересели на лошадей.

Лабиринтами узких проходов мы вышли в огромный каменный зал. Тысячелетний Египет смотрел на нас с каждой плиты, дышал из-за каждого выступа камня.

В то время, пока на машине мы мчались по древней стране, „Обь“ проходила Суэцкий канал. В Порт-Саиде мы сели на корабль.

С каждым днём, с каждым часом всё ближе родная земля. Мы в Средиземном море. Днём 8 июня миновали Крит, а ещё через несколько дней бросили якорь у самой Сицилии.

В дымке знойного ветра Сахары слева скрылись Тунис и Алжир. А справа по борту поднялись „Столпы Геркулеса“ — две огромных отвесных скалы Гибралтара.

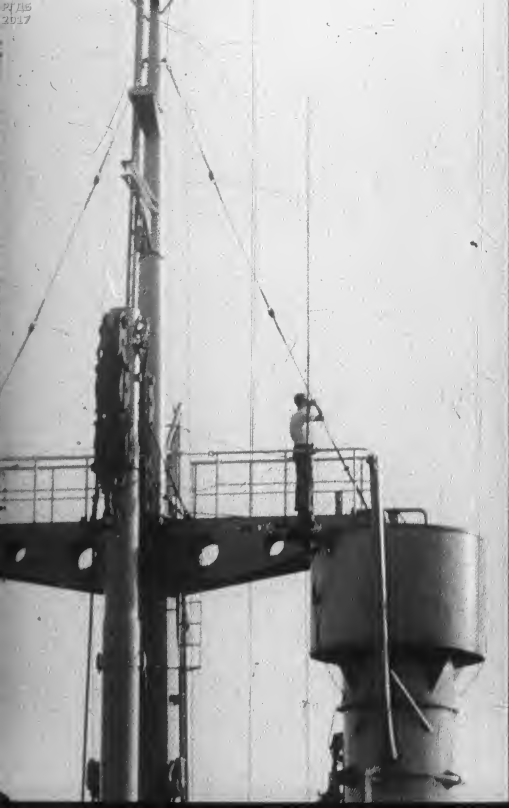
На другой день мы вышли в Атлантику и обогнули мыс Финистерре, что означает „конец земли“. Это самый западный мыс Европы.

Обычно бурный Бискайский залив встретил нас плотным туманом. Но и это уже позади... А впереди Брунсбютелькогский шлюз – ворота в Нильский канал.

За 225 суток второго рейса „Оби“, маршрут которой почти вдвое превышал длину экватора, было много памятных встреч, был проделан огромный комплекс важных научных работ. Как жаль, что геофизический год бывает не каждый год!

Тёплым июньским утром
справа по борту в Балтий-
ском море открылся род-
ной долгожданный берег.
С мачты в бинокль я смот-
рел на него, не мог на-
смотреться и думал: „Пу-
тешествовать нужно хотя
бы затем, чтобы понять,
как приятно вернуться на
Родину...”

Конец диафильма

Д-487-61С

Студия „Диафильм“

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7